

ОБ УРОВНЕ ВООРУЖЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам Сухогомольшанского
и Красногорского могильников)

Оружие, являясь одним из достаточно информативных компонентов материальной культуры, отражает многие аспекты социально-экономического развития народов. Комплекс вооружения характеризует не только уровень развития производства, особенности военного дела, вероятные пути этнических контактов общества, но может служить серьезным источником для проведения социальной стратификации в рамках конкретного общества [1, с.9]. Попытка реконструкции организационной и социальной структуры войска салтовского населения, оставившего могильники с обрядом кремации в бассейне Северского Донца и Оскола, уже нашла свое отражение в литературе [2]. В частности А. В. Крыгановым были сведены в единую выборку захоронения с предметами вооружения, происходящие из всех известных памятников региона. Такой подход хотя и допустим для решения столь сложной задачи, но несколько односторонен, ибо за общим усредненным результатом не видно степени вооруженности населения конкретных общин, которые, вероятно, выделяли воинов или даже целые воинские подразделения для общего войска, как это было принято у многих народов средневековья. Поэтому задачей данной статьи является попытка определить уровень вооруженности населения отдельных общин, оставивших наиболее крупные по численности, а следовательно, и наиболее репрезентативные памятники региона — Сухогомольшанский и Красногорский могильники. В статье не дается классификации и типологизации предметов экипировки воинов, так как это было уже неоднократно сделано другими исследователями [3-7].

Сухогомольшанский (Змиевской р-н Харьковской обл.) и Красногорский (Балаклейский р-н Харьковской обл.) могильники принадлежат к числу наиболее изученных захоронений салтовской культуры верховьев Северского Донца [8; 9]. Оба могильника занимают высокий правый берег р. Северский Донец и находятся на удалении чуть более 20 км друг от друга. На Сухогомольшанском могильнике исследовано 317 захоронений по обряду кремации, на Красногорском — 310, из них 121 кремаций.

Учет предметов вооружения из погребений могильника Сухая Гомольша представлен в табл. 1. В таблицу не включены те захоро-

нения, нахождение в которых единичных элементов воинского снаряжения или его фрагментов могут трактоваться неоднозначно. Например, наличие в погр. № 250, принадлежавшем женщине 40-49 лет, железного трехлопастного наконечника стрелы может свидетельствовать как о причине смерти женщины, так и быть своеобразным оберегом (специально помещаемые для этой цели в погребения многими народами колющие и режущие предметы типа ножа, шила). Из таблицы видно, что предметы вооружения и конского снаряжения распределены в представленной группе погребений очень неравномерно. Признавая, что предметы вооружения, встреченные в захоронениях, не всегда соответствуют той экипировке, которую имел воин в реальной жизни [10, с. 41], при достаточно осторожном подходе к представленным данным все же можно проследить общие тенденции в развитии воинской и социальной структур общины, оставившей Сухогомольшанский могильник.

Погребения по набору оружия и составу инвентаря, как видно из табл. 1, можно разбить на несколько отличающихся друг от друга групп. В группу А входят два захоронения (погр. № 175, 252), содержащие 3-4 вида оружия: саблю, топорик-чекан, по два наконечника копья (пиковидный и широколезвийный), лук со стрелами. Предметы вооружения в данных погребениях сопровождалась предметами конского снаряжения и различными хозяйственными инструментами (складной серп, тесло-мотыжка, ложкорез, сверло, рыболовные крючки). Богатство и своеобразие инвентаря погребений этой группы указывают на принадлежность их владельцев к воинской верхушке общества. Определение подобных захоронений из-за двух разнотипных наконечников копий А. В. Крыгановым как погребений военачальников [2, с. 109] вполне правомерно, но только с некоторыми уточнениями. Так, погр. № 252 не может быть захоронением военачальника, ибо оно принадлежит слишком юному индивидууму — подростку 7-13 лет. Больше под определение военачальнического подпадает погр. № 175, содержащее останки мужчины 40-49 лет. Примечательно, что именно в этом комплексе был обнаружен бронзовый конский наконечник. Поэтому можно предположить, что именно наконечник, при прочих равных условиях, являлся наиболее ярким внешним атрибутом командного состава. Наш вывод подтверждается как единичностью пафодок самих наконечников на памятниках салтовской культуры, так и тем значением, которое отводится наконечнику (оголовью) как фактору, определяющему место мужчины в воинской организации, например, аланского населения [11, с. 26-29, 39-42]. Подросток из погр.

№ 252, вероятно, только происходил из семьи какого-то военачальника. Интересен факт наличия в обоих захоронениях этой группы котлов, которые являлись одним из внешних атрибутов главы семьи у кочевых и полукочевых народов [12, с. 129]. И если наличие котла в захоронении взрослого мужчины не является чем-то из ряда выходящим, то котел, как символ семьи, в захоронении подростка, вероятно, указывает, что он был последним мужчиной в семье, со смертью которого и прекратился данный род. Подобный обряд существовал у аланского населения салтовской культуры. Только у алан с прекращением рода вход в коллективную усыпальницу семьи — катакомбу — закрывался камнем от жерновов, также своеобразным символом семьи [13, с. 228].

Инвентарь группы Б лишь незначительно отличается от инвентаря захоронений вышерассмотренной группы. Из состава инвентаря погребений этой группы выпадает только сабля, при наличии всех других видов вооружения, конского снаряжения, предметов труда и быта. Так, в комплексе 16, связанном с погр. № 286, также было обнаружено два различных наконечника коня, как в погр. № 175, 252 группы А. В комплексе 10, соотносимом с погр. № 214, присутствовала вилка для доставания мяса из котла, хотя сам котел и отсутствовал. Отсутствие в погребениях данной группы сабель объяснимо, возможно, бытовавшим обычаем передавать саблю, как достаточно дорогую вещь, по наследству от отца к сыну. Подобный обычай хорошо известен у праболгарских и аланских племен салтовской культуры [4, с. 157]. На наличие подобного обряда у населения, оставившего могильник Сухая Гомольша, указывает состав погребального инвентаря из захоронения подростка (№ 252). Таким образом, несмотря на незначительные различия в погребальном инвентаре, группы А и Б можно свести в одну, для которой характерно наличие в инвентаре 2-4 видов вооружения (рубящего, ударного и колющего типов), конского снаряжения и стабильного набора хозяйственного инвентаря (ножи, складные серпы, тесла, мотыжки). Данная группа погребений оставлена, по-видимому, наиболее обеспеченными представителями общества, которые играли ведущую роль в военных делах общины, будучи профессиональными воинами-всадниками.

Погребения, входящие в группу В, также можно связать с захоронениями профессиональных воинов, составлявших ядро салтовской легкой конницы. Однако, инвентарь этих захоронений беднее, чем у погребений вышерассмотренных групп. Внутри группы В достаточно четко прослеживается пласт более и менее богатых захоронений.

Маркером богатства в данной группе выступает факт наличия или отсутствия в погребении конского снаряжения и его состав. Предметы вооружения в захоронениях представлены в большинстве случаев только одним видом оружия или ближнего (топорик-чекан, копье, кистень), или дальнего (лук со стрелами) боя. Лишь в одном случае (погр. № 233) было зафиксировано два вида оружия: топорик-чекан и наконечник копья, но без какого-либо конского снаряжения. Наличие в погребениях топоров-чеканов позволяет видеть в их владельцах скорее конных воинов, а не пехотинцев, как считает с некоторыми оговорками А. В. Крыганов [14, с. 59]. Топоры пеших воинов, хорошо известные по древнерусским памятникам, характеризуются довольно специфической формой, большими размерами, значительным весом [10, с. 28]. Наличие в захоронениях этой группы наконечников копий, относящихся к типу пик, однозначно указывает на принадлежность погребений, даже не содержащих конской сбруи, всадникам, так как пика является оружием исключительно конного воина. Только одно захоронение группы В (погр. № 60), благодаря обнаруженному в нем листовидному наконечнику копья, предположительно можно связать с погребением пешего воина. Но вряд ли этот воин был простым ополченцем, так как в этом же погребении были встречены такие же элементы поясной гарнитуры, как и в погребении профессиональных воинов-всадников.

Захоронения, образующие группу Г, хотя и содержат предметы вооружения, принадлежат исключительно женщинам и детям. Так, в двух детских погребениях оружие представлено небольшими топориками-чеканами, один из которых находился в комплексе с половинкой кистеня (погр. № 246). Погребения женщин, помимо исключительно предметов украшений (серег, пропизей, бус и т. д.), содержали кистени. Данные захоронения принадлежат, вероятно, членам семей воинов.

Совершенно отдельную группу Д составляют самостоятельные комплексы 2, 9, 12 и погребения № 7, 174, 255, содержащие конское снаряжение, дополненное, за редким исключением, немногочисленными хозяйственными инструментами. Отсутствие в данных комплексах предметов вооружения указывает на мирный характер деятельности их владельцев. Наличие в них конского снаряжения может свидетельствовать в пользу того, что их владельцы были достаточно состоятельными людьми, так как наличие верхового коня (если это не кочевое общество) указывает на достаточно высокий социальный статус человека. Вполне возможно, что эти погребальные комплексы принадлежали зажиточным свободным общинни-

кам. Из табл. 1, видно, что предметы вооружения встречены в 21 захоронении (6,6% от общего количества погребений). В таком же количестве захоронений обнаружено конское снаряжение. В 14 случаях (4,7% от общего количества погребений или в 66,6% от количества погребений с оружием) предметы вооружения находятся в комплексе с конской сбруей. Так как антропологические данные известны не для всех интересующих нас погребений, то, исключив захоронения детей, подростков, женщин, содержащие предметы вооружения, к погребениям профессиональных воинов предположительно можно отнести 16 (5% от общего количества захоронений). Наличие захоронений детей, подростков, женщин, содержащих предметы вооружения, и безинвентарных мужских погребений позволяет предположить, что военная функция уже не принадлежала всем взрослым мужчинам общины, а перешла к представителям социальной верхушки; оружие перестало быть атрибутом каждого свободного общинника и стало показателем принадлежности к элите общества. На это косвенно указывает факт сочетания оружия (кистени) и золотых серег в погребениях женщин (№ 89, 274); принадлежность самого богатого погребения с оружием (№ 252) подростку (табл. 1). В последнем случае в погребении находился поясной набор, состоящий из бронзовых литых бляшек и пряжки, тогда как в остальных воинских захоронениях, включая и захоронение возможного восначальника (№ 175), поясной набор был представлен исключительно железными рамчатыми пряжками. Относительно небольшое количество погребений взрослых мужчин-воинов по сравнению с количеством погребений всего взрослого населения на могильнике, расположенном в непосредственной близости от достаточно сильно укрепленного городища Сухая Гомольша [15] требует своего объяснения. Возможно, прояснению ситуации будет способствовать сопоставление данных по Сухогомольшанскому могильнику с данными по группам кремационных захоронений биритуального могильника Красная Горка.

Воинские захоронения могильника Красная Горка, сопровождаемые погребением коня или только конской сбруей, среди которых были представлены и погребения по обряду кремации, составили тему отдельной публикации [16]. В табл. 2 представлены данные, характеризующие кремационные захоронения, содержащие предметы вооружения и конского снаряжения, могильника Красная Горка. Так же как и погребения могильника Сухая Гомольша, захоронения Красногорского могильника распределяются по тем же группам: погребения

с различным числом видов вооружения и конского снаряжения; погребения с предметами вооружения, но без конской сбруи — группы А, Б, В; погребения, не содержащие предметов вооружения, но в которых найдены элементы конской сбруи — группа Д. Отсутствие антропологических данных по сожжениям могильника не позволяет выделить погребения женщин и детей, сопровождаемых предметами вооружения — группу Г. Характерным является и то, что ни в одном из сожжений данного могильника предметы вооружения не сочетались с женскими украшениями (серьгами, бусами и т. д.), как это имело место в могильнике Сухая Гомольща. Группы погребений характеризуются теми же составляющими, что были выделены для групп погребений могильника Сухая Гомольща. Из захоронений могильника Красная Горка так же четко вычлняется группа погребений, которые можно отнести к разряду военачальнических — погр. № 101В, 108, 162, 254, хотя скорее всего они принадлежат воинам самого высокого ранга. В инвентаре этих погребений встречены преднамеренно смятые котлы, которые в трех случаях сопровождались вилками для доставания мяса из котла (№ 101В, 162, 254); в двух захоронениях находилось по два разнотипных наконечника копья (№ 162, 254). Лишь в одном захоронении из группы А — № 101В — встречен бронзовый орнаментированный конский начельник, что позволяет отождествить это погребение с погребением какого-то военачальника. Еще один бронзовый конский начельник был найден в погр. № 216. Хотя в данном захоронении предметы вооружения представлены всего двумя видами, его можно связать с захоронением военачальника, ибо погребение сопровождалось расположенным в непосредственной близости захоронением коня. Оба погребения связывались в единый комплекс не только топографически, но и по инвентарю.

Видовой состав вооружения из погребений, вошедших в группу В, указывает на принадлежность их владельцев к слою рядовых воинов, которые, выполняя роль копейщиков и лучников, составляли основу профессионального салтовского войска.

Анализ данных по могильнику Красная Горка показывает, что из 121 погребения по обряду сожжения в 15 (12,4% от общего количества захоронений) встречены предметы конского снаряжения, в 18 (14,8%) обнаружены предметы вооружения и в 11 (более 64% от количества погребений с оружием) — предметы вооружения и конское снаряжение находилось вместе. Для сравнения: из 189 погребений по обряду ингумации вооружение содержалось в 29 (15,3%) случаях, элементы конского снаряжения в 27 (14,3%) случаях, совместное на-

хождение конского снаряжения и предметов вооружения зафиксировано в 19 случаях (65,5% от общего количества погребений с оружием). Таким образом, обе группы населения, оставившие разные по обряду погребения могильники, имели почти одинаковый уровень вооруженности и, вероятно, составляли единый воинский отряд, основу которого составляла легкая кавалерия. При этом, если показатель вооруженности у населения, применявшего обряд кремации, оставался приблизительно на одном уровне на протяжении всего времени существования могильника, то у населения, для которого характерен обряд ингумации, он только на позднем этапе достигает среднего для ингумационных захоронений значений, превышая более чем в два раза аналогичный показатель для ранней группы погребений.

Сравнение степени вооруженности населения, оставившего сожжения Сухогомольшанского и Красногорского могильников, показывает их различие в этом плане, несмотря на территориальную близость. Эти различия трудно объяснить только возможной разновременностью памятников. Большое количество исследованных на могильниках погребений указывает на относительную длительность их существования. Так, Сухогомольшанский могильник, по данным исследовавшего его В. К. Михеева, в целом существовал со второй половины VIII по начало X в., хотя отдельные территориальные группы захоронений датируются более коротким временем [8, с. 171]. Хотя обработка материалов могильника Красная Горка еще не завершена, все же можно сказать, что могильник в целом близок во временном отношении к Сухогомольшанскому. При этом наблюдаются некоторые различия в погребальном обряде и материальной культуре населения, оставившего захоронения по обряду сожжения двух расположенных рядом могильников. На могильнике Красная Горка известно лишь одно сожжение, накрытое перевернутой вверх дном урной, тогда как на Сухогомольшанском могильнике таких погребений 84, почти в 1,5 раза больше захоронений, где урны находились в своем нормальном положении. В Красногорском могильнике не встречены захоронения, дно могильных ям которых было преднамеренно подмазано глиной, или захоронения, где останки кремации были помещены на специальную подстилку из плиток песчаника, обломков сосудов, как это имело место в захоронениях могильника Сухая Гомольша. Посуда, применяемая в качестве урн населением сухогомольшанской общины, представлена достаточно большим количеством лепных форм, отличающихся грубостью теста, отделки, очажным обжигом. Сосуды подобного облика на могильнике Красная Горка встречаются редко.

Таблица 1. Сожжения могильщика Сухая Гомольша

Группа	№ погребения / № комплекса	Тип погребения	Антропологические данные	Оружие				Конская сбруя		Украшения		Другие предметы												
				Сабля	Топорик-чекан	Наконечник копья	Лук, наконечники стрел, колчан	Кистень	Конская сбруя	Украшения сбруи	Начельник	Котел	Вилка для доставания мяса	Серп	Мотыжка	Коса	Кресало	Сверло	Ложкорез	Поясной набор	Фибула			
I	A	252	Ямн.	Ребенок 7-13 лет	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
		175	Урн.	Мужчина 40-49 лет	+	+	+			+	+													
	B	46/IV	Ямн.			+	+			+														+
		48/III	Ямн.			+	+			+														+
		286/XVI	Урн.			+	+			+														+
II	B	XVII	Ямн.			+	+			+													+	
		214/X	Ямн.			+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
II	B	I	Ямн.			+				+														
		63/VI	Ямн.			+				+														
		267	Ямн.	Мужчина 30-39 лет				+			+													+
		6	Ямн.								+													+
		17	Ямн.								+													+
		54/VI	Ямн.								+	+												+
	122/IX	Ямн.	Парное: мужчина 20-29 лет ребенок 1-6 лет							+	+												+	
	233	Ямн.								+	+												+	
	XIII	Ямн.								+													+	
	60	Ямн.								+													+	
III	Г	246	Ямн.	Ребенок до 1 года						+														
		203	Ямн.	Ребенок 3-7 лет						+														
		89	Урн.																				+	
	274	Урн.	Женщина 14-19 лет							+													+	
	Д	II	Ямн.								+													
		IV	Ямн.								+													
		XII	Ямн.								+													
		7	Ямн.								+													
174	Урн.								+															
255	Ямн.								+															

Таблица 2. Сожжения могильника Красная Горка

Группа	№ погребения	Тип погребения	Сабля	Топорик-чекан	Наконечник копья	Лук, наконечники стрел, колчан	Кистень	Конская сбруя	Украшения сбруи	Начельник	Котел	Вилка для доставания мяса	Складной серп	Кресало	Сверло	Пожирез	Поясной набор	Пинцет	Ботало	
I	А	108 Урн.	+	+	+		+				+									
		101В Урн.	+	+	+		+	+	+		+	+								
		162 Ямн.	+	+	+		+	+	+		+	+		+						
	Б	254 Ямн.	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
		216 Урн.		+		+		+	+	+				+	+					
		266 Ямн.	+		+			+						+						
	19 Ямн.	+				+					+	+								
II		189 Ямн.			+			+												
		229 Ямн.			+			+												
		101В Урн.				+		+												
		167 Ямн.				+		+						+						
	В	1 Урн.			+		+													
		18 Ямн.		+																
		59 Ямн.		+										+						
		147 Урн.				+														
		232 Ямн.				+														
	233 Ямн.				+															
	268 Ямн.		+																	
III	Д	132 Урн.						+												
		138 Урн.						+	+											
		246 Ямн.						+	+				+							
		252 Ямн.						+												

Отмечены различия и в погребальном инвентаре захоронений обоих могильников. Это проявилось в отсутствии в воинских захоронениях Красногорского могильника крупных кольчатых сбруйных соединителей ремней, редкость железных поясных пряжек. Не характерны для захоронений по обряду кремации могильника железные фибулы с завитком на низком пластинчатом приемнике (тип 7 по А. В. Дмитриеву), неоднократно встреченные в погребениях Сухой Гомольши. Наличие этих вещей в погребениях может служить серьезным датированным и этноопределяющим фактором, указателем направления этнических и экономических контактов. По другим категориям инвентаря захоронения обоих могильников проявляют известное сходство. Однако в инвентаре сожжений Сухой Гомольши присутствует относительно много архаичных вещей и вещей не характерных для аланского и болгарского населения [17;18], тогда как инвентарь кремаций Красной Горки по своему виду более однородный, не выходящий за рамки представлений о салтовских древностях. Все это указывает на большую степень включенности красногорского населения в структуру салтовского общества, и, вероятно, на более позднее время возникновения могильника по сравнению с могильником Сухая Гомольша. Сухогомольшанская община характеризуется большей степенью обособленности, замкнутости, закрытости, что косвенно подтверждается антропологическими данными [19, с. 157].

Нельзя оставить без внимания и то место, которое занимают оба могильника в ряду подобных им салтовских памятников. Могильник Красная Горка по количеству воинских погребений, пожалуй, не может сравниться ни с одним другим болгарским грунтовым могильником бассейна Северского Донца, так как в последних захоронения воинов единичны. Разнообразие типов воинских погребений могильника [16] указывает на сложный этнический состав оставившего его населения. Подобная ситуация характерна для Хазарского каганата. К тому же процент воинских захоронений могильника очень близок к аналогичному показателю древнерусских дружинных могильников IX — начала X вв. [20, с. 43], располагавшихся зачастую в пограничье, в районах со смешанным населением. Это позволяет отнести Красногорский могильник к разряду дружинных, оставленных смешанным воинским контингентом. К сожалению, бурная хозяйственная деятельность человека не позволяет в данном случае подтвердить это предположение, так как ближайшее к могильнику место, удобное для создания каких-либо оборонительных сооружений, еще с середины 1960-х годов было занято под объект Министерства внутренних дел.

Сухогомольшанский могильник по числу погребений превосходит все другие известные к настоящему времени памятники региона с погребениями по обряду кремации (Тополи, Новая Покровка, Пятницкое, Мохнач, Лысый Горб). Расположение некоторых из них в речной пойме, малое число погребений, наличие комплексов с предметами вооружения и конским снаряжением может, с одной стороны, свидетельствовать о сезонном характере данных памятников, а с другой — служить подтверждением тезиса о продолжении кочевания представителями социальной верхушки общества после оседания на землю основной части населения [21, с. 78]. То, что Сухогомольшанский могильник находится рядом с городищем, окруженным несколькими крупными селищами [22, с. 213; 23], указывает на достаточно значительную роль всего комплекса для окружающего населения. Относительно малая величина объема труда, затраченного на возведение оборонительного сооружения, характер использования мысовой площадки позволили интерпретировать Сухогомольшанское городище как общинное убежище [24, с. 106, 142]. Вероятно, это отчасти может объяснить низкий уровень вооруженности населения сухогомольшанской общины. В таком случае на воинов были возложены обязанности, вероятно, только по несению сторожевой службы и охране городища, что больше характерно для относительно спокойной, стабильной военно-политической обстановки. Факт прекращения существования дружинной группы погребений могильника Сухая Гомольша в первой половине IX в. [8, с. 172] может быть объяснен изменением ситуации, повлекшим увеличение оборонительного значения другого пункта. Таким пунктом вполне мог быть Красногорский комплекс, который расположен ниже по течению Северского Донца, т.е. ближе к степным районам. Уровень вооруженности красногорской общины, возможное наличие в общине выходцев из степей, о чем свидетельствует большое количество захоронений человека в сопровождении кося, а также конских могил, не противоречат этому. Вооружение из комплексов обоих могильников (сабли, боевые топоры-чеканы, пиковидные наконечники копий), наличие в захоронениях конского снаряжения однозначно указывают того вероятного противника, нападений которого так опасалось местное население. Таким врагом могли быть степняки, ибо славянское население лесостепных и лесных районов в этот период еще не представляло для салтовцев серьезной военной опасности, да и возможности конных отрядов при столкновении в местах с большими лесными массивами существенно ограничены. Вполне возможно, что перераспределение оборонных функций между населением сухогомольшанской и красногор-

ской общины связано с появлением в степных районах в начале IX в. венгерских племен. Примечательно, что все известные в настоящее время салтовские кремационные погребения с оружием и конским снаряжением в бассейне Северского Донца и Оскола расположены на границе степи и лесостепи, как бы маркируют своим присутствием своеобразную буферную зону между лесостепным земледельческим населением и кочевым населением степных районов.

Таким образом, судя по набору предметов вооружения и наличию конского снаряжения в кремациях рассмотренных могильников, в обществе существовал слой профессиональных воинов, который был достаточно неоднородным и включал воинов с разным имущественным положением. При этом, по-видимому, на верхней ступеньке воинской иерархии можно было оказаться как благодаря определенным достижениям в ратном деле, так и по принадлежности к социальной верхушке общества (например: погр. № 175 и 252 могильника Сухая Гомольша). Инвентарь воинских сожжений могильников указывает на существование легкой конницы, тогда как наличие профессиональных воинов-пехотинцев материалами из захоронений никак не подтверждается. Вероятно, в случае необходимости роль пехоты могли выполнять отряды ополченцев, состоящие из свободных мужчин, вооруженных кто чем может. Этим и обуславливается трудность их выделения из общей массы погребений. В целом же, уровень вооруженности населения, оставившего кремации Сухогомольшанского и Красногорского могильников, находился в прямой зависимости от военно-политической ситуации в регионе и удаленности от зоны вероятных конфликтов.

Литература

1. Худяков Ю. С. Оружие как исторический источник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990.
2. Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры по материалам могильников с обрядом трупосожжения // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1989.
3. Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. — 1955. — Т. 23.
4. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 142.
5. Міхеєв В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. — Харків, 1967. — Вип. 4.

6. Крыганов А. В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII-X вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1987.
7. Крыганов А. В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. — 1987. — № 2.
8. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986. — № 3.
9. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтовской культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990.
10. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. — 1966. — Вып. Е. 1-36.
11. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальная структура алано-яско-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993.
12. Плетнева С. А. Половцы. — М., 1990.
13. Калоев Б. А. Осетины. — М., 1971.
14. Крыганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. — 1993. — № 2.
15. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985.
16. Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры по материалам Красногорского могильника // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. — Киев, 1996.
17. Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. — 1982. — № 2.
18. Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине // СА. — 1983. — № 3.
19. Malinowski A., Michejew W. Suchogomolzanski zespól osadniczy w swete danych archeologii i antropologii // Zródla do bodan Biologii i historii populacji slowianskich. — Poznan, 1981.
20. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. // САИ. — 1971. — Вып. Е. 1-36.
21. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. — М., 1982.
22. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. — 1961. — № 104.
23. Михеев В. К., Дяченко О. Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша // АДУ 1969 р. — Вип. 4. — Київ, 1972.
24. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. // АОН. — Вып.2. — М., 1987.